

Российская национальная библиотека

78.3
1190

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕК ИССЛЕДОВАНИЯ, МАТЕРИАЛЫ, ДОКУМЕНТЫ

Вып. 3

1037677

Санкт-Петербург

2000

Издательство Российской национальной библиотеки

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ БИБЛИОТЕКИ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-1930-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ И АРХИВА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

К 1917 г. в Симбирске (с 1924 г. Ульяновск) и губернии были сосредоточены значительные книжные ресурсы. По данным 1901 г., в губернии действовало 69 народных библиотек-читален с общим фондом свыше 89 тыс. томов¹. В губернском центре в память симбирских уроженцев Н.М.Карамзина и И.А.Гончарова были учреждены две библиотеки: Карамзинская в 1848 г. и Гончаровская в 1893-ем. Крупнейшие городские библиотеки создавались «за счет пожертвований от дворянства и других сословий ... для всех классов бесплатно», чтобы «доставить всем жителям города полезное чтение и способы к образованию». Карамзинская библиотека, помимо этого, стремилась «сохранить рукописи и документы, рассеянные по здешней губернии, и постоянно истребляющиеся от времени и небрежения»². Основу фондов Карамзинской библиотеки составили собрания симбирян: поэта Н.М.Языкова, отца декабриста и сподвижника А.В.Суворова П.Н.Ивашева, пожертвования Н.Т., С.Т. и К.С. Аксаковых, поэта Д.В.Давыдова, Д.А.Валуева, семей Анненковых, Хованских, Карамзиных и др. Накануне событий 1917 г. здесь хранились уникальные книжные собрания Н.М.Карамзина, В.Н.Карамзина, библиотека и архив кн.В.И.Баюшева³, И.А.Гончарова⁴, московского bibliофила С.Д.Сырейщикова⁵, фрагменты библиотек Александра III (в том числе около ста эльзевиров), В.Ф.Одоевского, Д.Д.Минаева, родовая библиотека помещиков Соловцовых и др. — всего около 40 тыс. томов. Гончаровская библиотека, переданная в 1901 г. учредителями в дар городу, не уступала Карамзинской и имела большое количество новых изданий (конца XIX — начала XX в.). Кроме того, библиотека выписывала около сотни названий русских журналов и газет. Большое историко-культурное значение имели и некоторые частные симбирские библиотеки: критика П.В.Анненкова⁶, двадцативосьмитысячное собрание поэта и переводчика Д.П.Ознобишина⁷, председателя губернской ученой архивной комиссии В.Н.Поливанова, помещиков Киндяковых, Родионовых, Скребицких, Перси-Френч, Наумовых и др. К 1917 г. книжные запасы губернии составляли около 300 тыс. томов⁸.

С первых дней советской власти частные, ведомственные, учебные, общественные библиотеки не оставались без внимания ни со стороны губер-

ских властей, ни со стороны отдельных ведомств и частных лиц. Старейшие городские библиотеки — Карамзинская и Гончаровская — сразу же перешли в ведение Городского Совета. Подавляющее большинство частных библиотек было реквизировано. Они поступали в распоряжение Губнаробраза. «Книжные богатства Отдела (народного образования. — В.М.) велики и все еще продолжают увеличиваться новыми и новыми поступлениями, но, надо признаться, находятся в хаотическом состоянии», — сообщали «Известия Симбирского Губернского Совета» от 2 ноября 1918 г. Часть реквизированных книг передавалась и в не прекращавшие работать старые городские библиотеки. Фонд Карамзинской библиотеки, например, к 1920 г. вырос с 40 тыс. томов до 75 тыс. Над приведением этого книжного хаоса «в известность и порядок» работал специально созданный при ОНО библиотечный подотдел, но он явно не справлялся с работой. Для того, «чтобы двинуть это дело, найти лучший способ удовлетворить ... жажду знаний, постановлено немедленно организовать библиотечные комиссии и кликнуть клич ко всем живым людям, знающим и любящим книгу»⁹. К этому надо добавить, что ситуация в 1918-1919 гг. складывалась не в пользу библиотек. На какое-то время эпицентр гражданской войны в Поволжье перемещается в Симбирск. Мятеж чехословацкого корпуса, «муравьевская авантюра», перемещение в Симбирск Реввоенсовета Восточного фронта и Политуправления Приволжского военного округа (ПриВО), интенсивное передвижение огромного количества красноармейских частей через Волгу за Урал, крестьянские волнения — все это вместе взятое не давало возможности всерьез заняться книгами.

В наиболее выгодном положении в это время оказались старые публичные библиотеки, где продолжал работу прежний персонал. Эти библиотеки вышли из гражданской войны с минимальными потерями. В 1919 г. они из ведения Горсовета передаются отделу народного образования. В связи с нехваткой помещений для многочисленных гражданских и военных учреждений, войсковых частей Наробраз неоднократно предлагает сотрудникам Гончаровской библиотеки «прекратить работу и удалиться, оставив книги и шкафы на месте». Заведующая библиотекой М.Г.Медведева с группой коллег при поддержке Губисполкома сумела отстоять помещение библиотеки и ее фонды. Когда для расширения краеведческого музея понадобились помещения Карамзинской библиотеки, отдел народного образования распорядился «убрать» в 24 часа Карамзинскую библиотеку «хотя бы в сарай»¹⁰. На этот раз М.Г.Медведева, заручившись поддержкой Губполитпросвета, организует перевозку 75-тысячного собрания старейшей городской библиотеки в здание Гончаровской библиотеки¹¹. Здание было явно мало для такого количества книг. После фактического объединения двух библиотек ГубОНО закреп-

пило это документально. Работой объединенной библиотеки руководил комитет научных библиотек. В задачи комитета входила также организация районных библиотек за счет фондов новой центральной библиотеки (параллельно с ней существовала с 1918 г. и Губернская центральная библиотека со своим книгохранилищем, состоявшая из конфискованных частных библиотек)¹².

В январе 1921 г. Губисполком утвердил решение междуведомственной комиссии о реорганизации библиотеки имени Гончарова-Карамзина в Губернское книгохранилище. Задача нового учреждения — «централизация книжных богатств губернии и создание в Симбирске единого ядра, где имелось бы по одному экземпляру всех находившихся в городе и уездах книг»¹³. Фонд книгохранилища в это время насчитывал около 200 тыс. томов на 25 языках. Именно тогда началось формирование дублетного фонда, книги которого передавались различным учреждениям и организациям, обменивались на «новую ходовую литературу», предоставлялись для различных лотерей, передвижек и т.д.

В мае 1922 г. в городе прошла грандиозная «Выставка книжного искусства». Одним из инициаторов ее проведения был Н.Н.Столов, заместитель М.Г.Медведевой. Отзывы о выставке были очень благоприятными и сводились к следующему: «Как много у нас в области книги сделано ... как много у нас в последнее время по неосознанности и невежеству разрушено»¹⁴. То положение, в котором пребывало книгохранилище, грозило погубить еще не одну тысячу книг. Здание теперь уже бывшей Гончаровской библиотеки разрушалось, архивный отдел, т.е. бывшая Карамзинская библиотека, не отапливался уже несколько лет; из-за отсутствия помещения для книг и нехватки квалифицированных сотрудников книги лежали неразобранными грудами. Многие руководители Наробраза ни разу не видели книжных сокровищ, о которых в свое время знали в Западной Европе. Все это стало причиной публикации 19 августа 1922г. в газете «Экономический путь» совместного заявления сотрудников книгохранилища и библиотечного подотдела Губполитпросвета¹⁵. «Считая такое положение невозможным, считая позорным довести до состояния полной разрухи и совершенного забвения богатейшее культурное учреждение Республики», они требовали «ходатайствовать перед центром о выделении Симбирского губернского книгохранилища из общей библиотечной сети, об открытии специальных кредитов...» Вслед за этим меняется ведомственная принадлежность и статус библиотеки. Теперь это — Губернская центральная библиотека, подчиненная Губполитпросвету, осуществляющая руководство библиотечной работой области. «Первоначальный план концентрации всех книжных ценностей губернии не был проведен до конца, так как с переходом в Губполитпросвет академические задания были оставлены

и книгохранилище перешло на путь политико-просветительной работы». — вспоминала М.Г.Медведева¹⁶.

В 1924 г., следуя положениям декрета о централизации библиотечного дела, все городские библиотеки были объединены в Дворец книги, торжественно открытый 21 января 1925 г. Значительную часть фондов нового библиотечного учреждения составили частные, в первую очередь помещичьи, библиотеки. В годы войны и революционных преобразований частные библиотеки понесли огромные, не поддающиеся учету потери. Оставленные прежними владельцами, ставшие собственностью нового государства, они практически никем не охранялись и долгое время оставались неучтенными. Библиотекам всерьез грозило полное уничтожение. Задача их сохранения часто представлялась почти невыполнимой. В 1919 г. спекуляция книгами приняла грандиозные масштабы. Губисполком вынужден был в марте 1920 г. принять обязательное постановление, запрещающее вольную торговлю книгами на территории губернии¹⁷. «Покупка книг в г.Симбирске сосредотачивается исключительно в Симбирском губернском библиотечном комитете». Один из пунктов гласил, что «комитетом разработана новая высокая расценка книг... до 70 кратного увеличения довоенной стоимости книг. Редкие и исключительные издания не ограничивались никакой расценкой». Нарушители постановления отвечали перед революционным трибуналом как расхитители народного достояния. Дело в том, что многочисленные учреждения, имевшие нужду в книгах, создавали «специальные агентства для скупки книг у граждан и крестьян (из помещичьих библиотек) и вступали в постыдную конкуренцию между советскими организациями, срывая тем самым декреты советской власти о национализации книжного достояния республики». Вслед за постановлением было напечатано «Извлечение из инструкции о порядке реквизиции частных библиотек, утвержденной коллегией Наркомпроса 27 декабря 1919 г.»¹⁸. По инструкции библиотекой признавалось собрание книг свыше 500 томов. Книги в частном пользовании «могли быть оставляемы владельцам, если он нуждался в книгах для своих профессиональных нужд как рабочий в своем инструменте. Библиотеки остаются в распоряжении частного лица или общества во все время, пока данное лицо продолжает свои профессиональные занятия. В распоряжении частного лица собрание книг свыше 2000 томов разных названий, а в распоряжении общества — свыше 15 000 томов может быть оставляемо только под условием письменного разрешения библиотечного отдела. Излишек книг ... поступает в распоряжение народного комиссариата по просвещению...»

Значительная часть национализированного книжного имущества долгое время оставалась в имениях их прежних владельцев. Население же по-пре-

жнему «смотрит на бывшие частновладельческие усадьбы, как на собственность своих заклятых врагов-помещиков, и не упуская случая, тащит из них все, что попало»¹⁹. Лишь к началу 1930-х гг. все частные библиотеки были свезены в Симбирск.

В 1917-1935 гг. в губернии работают представители многочисленных центральных комиссий, коллегий, научных центров Москвы, Ленинграда, Казани и др. Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины командировала в губернию своих представителей «для проверки степени сохранности помещичьих библиотек и художественных собраний». С.Т.Коненков, архитектор Трушковский, художник С.Шелковский, С.Стороженко, эмиссары коллегии, занимались выявлением, отбором и вывозом книжных и художественных редкостей в Москву и Симбирск. В 1917-1927 гг. представители Пушкинского Дома А.С.Поляков и М.Д.Беляев занимались архивом и библиотекой П.В.Анненкова. После 10-летних хлопот все интересующие ИРЛИ рукописи и книги из анненковского собрания были переправлены в Ленинград²⁰. Под видом анненковских книг были вывезены наиболее ценные и редкие книги бывшей Карамзинской библиотеки. Свыше тысячи документов с автографами было выдано для научно-исследовательской работы в ГБЛ, АН СССР, Пушкинский Дом.²¹ В 1922-1923 гг. в архивном отделе губернского книгохранилища часто работал заведующий Центрархивом Татарстана Е.И.Чернышев. Вместе с ним в Казань отправились некоторые рукописи XVI-XVII вв. из архива Баюшева. Перечень подобных фактов можно продолжить. Вряд ли стоит сейчас называть те книги и рукописи, которые под разными предлогами вывозились из Симбирска. Список их обширен, их культурная и историческая значимость не зависит от места хранения, но отбирая книги и рукописи по собственному разумению для своих учреждений, «эмиссары» разрушали коллекции, дробили их, не брали во внимание той основной идеи, которую преследовали прежние их владельцы. Но и это, в конце концов, не самое страшное. Такое положение вещей лишь затрудняет изучение частных книжных собраний, но не делает его невозможным. Куда большей бедой для старых книг оказались систематические «чистки» библиотек от «ненужного хлама», «книжной завали», проводившиеся после 1925 г. «Необходимость» избавиться от «устаревшей, выпущенной при царизме» книги появилась еще в 1920 г., но, по мнению руководства политпросветорганов губернии, эта работа была проведена не очень удачно. В 1926 г. создается специальная губернская комиссия по пересмотру состава библиотек. «Если в прошлом у нас были опасения, что при тщательной очистке библиотек... мы окончательно их опустошим, то теперь особенно опасаться нечего, т.к. возможности пополнения библиотек новой литературой есть гораз-

до шире», — заявил зам. зав. Дворца книги Исаев²². Комиссия, видимо, столь рьяно взялась за порученное дело, что М.Г.Медведева и хранитель Музея книги Н.Н.Столов имели все основания опасаться книжного опустошения. Поначалу проблема «книжного изъятия» носила характер внутриучрежденческих разногласий. Медведева, с января 1926 г. занимавшая должность заместителя заведующего Дворцом книги, и Столов, заведующий Справочным отделом, пытались убедить новое руководство и чиновников Губполитпросвета в необходимости сохранить уникальные фонды Дворца неприкосновенными. Но ни 35-летний опыт библиотечной работы М.Г.Медведевой, ни эрудиция Н.Н.Столова не повлияли на решение Губполитпросвета о «чистке» книжного имущества. Медведева и Столов решили обнародовать свою точку зрения на проблему. 14 октября 1926 г. М.Г.Медведева обратилась к «гражданам Ульяновска» с письмом²³. «Во Дворце книги, — писала она, — имеется много старых ценных изданий, которые не нужны в массовой работе сегодняшнего дня и которые есть предположения частично передать в разные места ... их нужно сохранить ради «завтра» ... будет время, когда пролетариат обратится к подлинному знанию, к большой науке... и рабочий захочет овладеть всеми сокровищами знания, сокрытыми от него в этих старых ненужных теперь книгах». Н.Н.Столов высказался более определенно. «Шаг, который собираются сделать руководители Дворца чрезвычайно опрометчив и должен вызвать решительный отпор со стороны всех знакомых с ценностями Дворца... Дело не в ненужности книжных сокровищ Дворца книги, а в неумении их использовать. Вот об этом и нужно беспокоиться и нужно что-нибудь в этом отношении сделать, чтобы ... не подойти под категорию людей, о которых писал Маркс в связи с вопросом о ценности «старинны»». «Нужно быть идиотом, чтобы не видеть какое значение имеет античная трагедия для пролетариата»²⁴.

С разъяснениями по поводу публикаций Медведевой и Столова выступила заведующая Губполитпросветом Поздеева: «Тревога т.Медведевой о судьбах Дворца книги и нападки Н.Столова на «новую администрацию» совершенно лишены почвы, — заявила она. — При исследовании и внимательном просмотре иностранной литературы оказалось, что ... есть много лишнего для Ульяновска ... Содержание и приведение этого ненужного для Ульяновска книжного имущества требует сейчас сил и средств, которых мы не имеем». Потому коллегия Губполитпросвета решила поднять перед губисполкомом вопрос о желательности обмена и рационального использования устарелого и негодного книжного имущества, чтобы вместо него приобрести для Дворца книги современную литературу²⁵.

В дискуссии принял участие некто Красильников. «Наша настоящая задача, — писал он, — ... всяческое содействие, помощь провинциальным культурным силам... мы должны равняться в этом отношении, а затем и превзойти Германию с ее провинциальными очагами — университетскими городами... Полагать, что у нас в Ульяновске ученых нет и быть не может, нам не к лицу»²⁶. Но как в Германии не получилось. После 35-летней службы в библиотеках Симбирска-Ульяновска Герой труда М.Г.Медведева ушла на пенсию²⁷. Музей книги остался без попечения его создателя Н.Н.Столова²⁸. Замены ему долгие годы не могли найти²⁹. В 1929 г. богатство Музея книги все еще «лежит неиспользованным, замураванным в стенах книгохранилища». Тогдашний директор библиотеки тов.Афанасьев посчитал «для нашего крестьянского округа Дворец книги излишней роскошью» и выступил с далеко не новой инициативой: книги, ранее привезенные из бывших помещичьих имений и никакой ценности не имеющие, обменять на более жизненную литературу, а оставшиеся распределить по рабочим окраинам³⁰. Это предложение вызвало бурный протест общественности города (в том числе со стороны Медведевой и Столова). «У большого книжного дела должны быть серьезно образованные люди. Дайте книг, дайте хороший обслуживающий персонал и ликвидаторские разговоры прекратятся.» — писал Н. Столов³¹. В защиту «редкого для провинции собрания книг» выступила А.И.Елизарова (Ульянова): «Мы не можем согласиться..., что Дворец книги нужно распылить по окраинам... следует создавать их (библиотеки. — В.М.) вновь, а не разбазаривать для этого основную библиотеку». Как вариант решения проблемы неходовой литературы Елизарова предложила передать часть книг в центральные книгохранилища. Она, в частности, указала на деятельность упомянутого уже Беляева, который весной 1929 г. отбирал книги для «ленинской библиотеки в Москве»³². В 1930 г. новый «хозяин» библиотеки тов. Кадышев подписал договор с Педагогическим институтом о передаче всего «научного, педагогического, исторического, экономического, философского книжного и журнального фонда» (свыше 150 тыс. томов) в учебную библиотеку взамен туманного обязательства отапливать и ремонтировать Дворец книги за счет пединститута. Кроме того, пединститут обещал выделить неопределенные суммы на приобретение новой литературы³³. Самарский окрисполком (к этому времени Ульяновск вошел в Самарскую область) отменил этот договор. Но растаскивание фондов продолжалось. Краевые организации при возникновении надобности в ценных и нужных книгах немедленно снаряжали экспедиции в Ульяновск. Самарский пединститут вывез порядочное количество литературы, необходимой и ульяновским педагогам. Несколько сотрудников Дворца книги были уличены в краже и спекуляции

книгами библиотеки. Собрание читателей, служащих и учащихся, состоявшееся в библиотеке в январе 1930 г., потребовало от окрисполкома отменить практику окрфинотдела, продававшего с торгов литературу на вес, и передавать книги в библиотеку³⁴. Одной из форм «разбазаривания» стали беспроигрышные книжные лотереи, проводившиеся в 1930 г. Стоимость билета составляла 10 к. Средства эти направлялись на усиление борьбы с неграмотностью. Книги для лотереи предоставлялись из дублетного фонда. Главным выигрышем в августовской лотерее стали, например, тома малого энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона. На преступно невнимательное отношение к богатству Дворца книги указывал приезжавший в августе 1933 г. в Ульяновск нарком просвещения А.С.Бубнов. Прошел год — положение библиотеки не улучшилось, а ухудшилось.

Специальный запрос о состоянии Дворца книги сделала в 1934 г. Н.К.Крупская. «Что могли ей ответить работники библиотеки? — разве то, что ценой почти нечеловеческих усилий они все же сохранили личные библиотеки наших классиков Гончарова, Карамзина и основные исторические ценности»³⁵. Теперь можно только порадоваться, что решение политико-просветительных задач требовало много времени, которого все меньше и меньше оставалось на работу со старой книгой. Борьба за сохранение книг с годами становилось все труднее. Несколько лет работал в библиотеке Иван Михайлович Тер-Оганян (1887-1937), уроженец г. Баку, отбывавший в Симбирске административную ссылку. Принят на работу он был в декабре 1933 г. на должность заведующего иностранным отделом. Через две недели от него поступила докладная записка по поводу иностранных книг. В ней говорилось: «Большинство до сих пор отобранной литературы состоит из книг, изданных в XVIII и начале и первой половине XIX столетия..., много очень ценных книг, представляющих значительный интерес для квалифицированных научных кадров, работающих в области ... истории, политики, экономики, философии, истории литературы. Можно указать на произведения ... Дидро, Монтескье, Тьера, Тэна, Луи-Блана, А.Смита. Бенгтама..., наличие различного рода энциклопедических словарей... Ввиду того, что огромная часть указанной литературы не может быть использована в Ульяновске, за неимением здесь соответствующих научных учреждений ..., по окончании выборки всей иностранной литературы надо предлагать крупнейшим библиотекам, ... где она может быть соответствующим образом использована»³⁶. Вероятно, тогда такой способ спасения книг представлялся наиболее приемлемым. В личном деле Тер-Оганяна есть несколько записей о принятии и последующем увольнении. Последняя — от 15 января 1937 г. По заявлению двух сотрудниц библиотеки — Быковой и Богушевской, Тер-Оганян «делал им упреки за то,

что они изымают идеологически вредную литературу», и приказом № 2 от 14 января 1937 г. Тер-Оганяна с работы уволили³⁷. Этот факт был учтен при вынесении в декабре 1937 г. тройкой при УНКВД по Куйбышевской области приговора Тер-Оганяну И.М. по ст.58-10 ч. УК РСФСР. Он был расстрелян и полностью реабилитирован только 21 июня 1989 г.³⁸

Библиотеке в рассматриваемый период катастрофически не хватало квалифицированных кадров. Люди, знавшие книгу, понимающие ее ценность, появлялись в штате Дворца, но их услугами администрация была вынуждена пользоваться с оговорками. Образование, полученное в царское время, социальное происхождение и т.п. не устраивали руководство. Время от времени происходили «самоочистки» коллектива, многие уходили «добровольно». В 1938 г. в библиотеке появился первый профессиональный библиограф — Елена Васильевна Ложкина, выпускница Московского библиотечного института. Человек удивительной трудоспособности, она практически в одиночку создает каталог библиотеки, ставший основой современного справочно-библиографического аппарата. Обслуживая каждодневно совпартактив по проблемам коммунистического строительства, готовя лекции и обзоры по истории ВКП(б), она успевала заниматься старыми книгами. Ее стараниями в 1939 г. был создан Отдел редких книг, начала действовать постоянно действующая выставка раритетов библиотеки, а главное, начата работа по выделению основных коллекций — Карамзина, Гончарова, Языковых, Ознобишина, Минаева и других.³⁹ Деятельность М.Г.Медведевой, Н.Н.Столова, Е.В.Ложкиной по сохранению уникальных книжных фондов Симбирска-Ульяновска стала основой большой исследовательской работы, завершившейся открытием в 1990 г. музея «Симбирская Карамзинская общественная библиотека»⁴⁰.

Примечания

1. Кудрявцев П.Ф. Народные бесплатные библиотеки-читальни (земские, волостные и частных кружков) в селах и платные в городах Симбирской губернии в 1900-1901 гг. Симбирск. 1904. С.243.

2. Пятидесятилетнее существование Симбирской Карамзинской общественной библиотеки, 1848-1898 гг.: Крат.ист.очерк. Симбирск, 1898. С.5.

3. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев; 1891. Т.1, кн.1. С.876; Христофоров И.Я. О старинных рукописях в Симбирской Карамзинской библиотеке // Труды четвертого археологического съезда в России. Казань, 1891. Т.2. С.27-42.

4. Описание библиотеки И.А.Гончарова / Сост.Н.И.Никитина, В.А.Суйкло, А.И.Кукуева. Ульяновск, 1987.

5. Библиотека Семена Дмитриевича Сырейшикова / Сост. С.Ю. Кабакова. Ульяновск, 1995.

6. Отчёт о деятельности Симбирской губернской ученой архивной комиссии за 1897 год. Симбирск, 1898. С.7.

7. Юрлов В. Указания источников для изучения Симбирской губернии / Симб. губ. ведомости. 1893. № 12; Туроверов Н. Книжное собрание Д.П. Ознобишина и его суворовский отдел // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Вып. IV. С. 195-208.

8. В симбирских газетах приводились и другие сведения о численности книг в губернии. Но цифра в 250-300 тыс. томов представляется нам более реальной.

9. Симбирская губерния в годы гражданской войны (май 1918 — март 1919): Сб. документов. Ульяновск, 1958. Т.1. С.257.

10. См.: Равич Л.М. Семья Языковых и Карамзинская библиотека // История библиотек: Исследования, материалы, документы / РНБ. СПб., 1999. Вып.2. С.76.

11. Медведева М.Г. История библиотеки в Симбирске-Ульяновске // Крас. библиотекарь. 1939. № 10. С.29.

12. Там же. С.31.

13. Там же. С.29.

14. К. О книжной выставке // Экономический путь (Симбирск). 1922. 27 мая.

15. О нашем книгохранилище: [Заявление сотрудников книгохранилища и библиотечного подотдела Губполитпросвета] // Там же. 1922. 19 авг.

16. Медведева М.Г. Указ. соч. С.30.

17. От Симбирского Губернского библиотечного комитета Народного комиссариата по просвещению: Обязательное постановление № 2. // Заря (Симбирск). 1920. 16 марта.

18. Там же. 1920. 17 марта.

19. Экономический путь. 1920. 27 янв.

20. Блохинцев А.Н. Эмиссары // Ульяновская правда. 1990. 8, 12, 16, 19 дек.

21. Норкин. Десять лет работы Дворца книги // Пролетарский путь (Ульяновск). 1935. 21 янв.

22. Исаев. Пересмотр книжного состава библиотек губернии // Там же. 1926. 21 окт.

23. Медведева М.Г. Письмо в редакцию // Там же. 1926. 14 окт.

24. Столов Н. К судьбе Дворца книги // Там же. 1926. 31 окт.

25. Поздеева М. О. книжном имуществе Дворца книги // Там же. 1926. 24 нояб.

26. Красильников А. К вопросу о Дворце книги // Там же. 1926. 28 нояб.

27. Медведева Мария Григорьевна (1869-1951). На библиотечной работе с 1891 г. Заведовала библиотеками Гончаровской (1893-1920), Губернским книгохранилищем (1920-окт.1924), Дворцом книги (окт. 1924-авг. 1925, дек. 1925 — янв. 1926). В должности зам. зав. Дворца книги работала до 1 октября 1926 г. 30 января 1923 по случаю 30-летия трудовой деятельности Губисполком, ГубОНО и Губпрос представили М.Г.Медведеву к званию «Герой труда». 26 сентября 1926 г. газета «Пролетарский путь» опубликовала информацию: «В связи с создавшимися ненормальными условиями работы во Дворце книги, старейшая работница библиотечного дела тов.Медведева подала заявление об уходе». «Тов.Медведева удалась от работы по следующим причинам: Дворец книги встал на губернский масштаб работы. Зам.зав. должен быть инструктором библиотечной работы и больше всего должен выезжать на места, и не только по библиотечной работе, но вообще по политпросветработе. Ввиду преклонных лет, тов.Медведева не могла выполнять эту работу», — так объяснил ситуацию с Медведевой зам.зав.Дворца книги тов.Исаев.

28. Столов Николай Николаевич (1892-1941). Окончил Казанский университет в 1917 г. «По просвещению» начал работать в 1920 г. Был инструктором лекционного бюро в Казани, инструктором орг. отдела Симбирского ГубОНО. Выполнял библиотечную работу по следующим должностям: библиотечный инструктор, зав. Музеем книги, председатель Губернского комитета научных библиотек, заведующий коллектором, зам. зав. Губернского книгохранилища (Архив УОИБ. Ф.1179, оп.6, д.153. Л.1 об.). 1 февраля 1926 г. переведен из аппарата ГубОНО на службу во Дворец книги на должность зав. справочным отделением. Оставил работу в библиотеке, видимо, в конце 1926 г. В 1920-1926 гг. Столов опубликовал 20 статей по вопросам книговедения и библиотечной работы в журналах «Красный архив», «Казанский библиофил», «Красный библиотекарь», «Вопросы просвещения» и др. Был делегатом библиотечных съездов: I Всероссийского (Москва, 1924), Поволжских I (Н.Новгород, 1923), II (Ульяновск, 1924), III (Казань, 1925). В 1926-1933 гг. преподавал русский язык и литературу в школах Ульяновска. В 1936(?) г. переезжает в Москву. Работает старшим научным сотрудником и заведующим библиотекой Государственного литературного музея, старшим научным сотрудником библиографического отдела ФБОН АН СССР. 6 июля 1941 ушел в ополчение, погиб в октябре 1941 г. под Дарницей близ Киева (Зыкова Н. Материалы к биографии Н.Н.Столова: Машинопись. М., 1974).

29. М. Использовать книгохранилище Дворца книги // Пролетарский путь. 1929. 23 апр. Желаящих возглавить Музей книги не было. В 1929 г. передача Музея еще не была оформлена. В связи с этим создается особая комиссия «для проверки» Музея. Ответственность за работу Музея была возложе-

на на т. Селеверстову, зав. читальным залом (ГАУО. Ф.Р-1179, оп.2, д.18, Л.49). До 1934 г. фонд Музея располагался, видимо, в читальном зале. После ремонта Музей перекочевал в хранилище, а помещение было отдано под парткабинет (ГАУО. Ф.Р-1179, оп.2, д.18, Л.49).

30. Афанасьев Б. Нужен ли Дворец книги? Дать книгу окраинам города: (В порядке обсуждения) // Пролетарский путь. 1929. 20 июня.

31. Живой отклик масс о Дворце книги // Там же. 1929. 16 июля.

32. Елизарова А.И. Не такой нужен подход: К вопросу — нужен ли Дворец книги? // Там же. 1929. 12 июля.

33. Глинский С., Столов Н. Не допустим уничтожения памятника Ильичу! // Там же. 1930. 17 сент.

34. Н.Ю. О продаже литературы с торгов: Голос читателей // Там же. 1930. 2 февр.

35. Мы не умеем хранить культурные ценности: 300 000 книг обречены на гибель // Там же. 1934. 23 июля.

36. Архив УОНБ. Ф.1179, оп.6, д.162. Л.1-2.

37. Там же. Книга приказов 1930-1937. Л.102об.

38. Книга памяти жертв политических репрессий. Ульяновск, 1966. С.123.

39. ГАУО. Ф.Р-1179, оп.2, д.22.

40. См. Ивашкина Л.Ю. Карамзинская общественная библиотека в Симбирске — памятник культуры второй половины XIX в. // Книга: Исслед. и материалы. 1991. Сб.62. С.172-176; Трофимов Ж. Симбирская общественная библиотека: Ист. очерк. М., 1992.

Карамзин